

**«Отпускаются ей грехи многие»
(«Remittuntur ei peccata multa»)**

22 июля 1445
св. Марии Магдалины
Кобленц

1. *«Отпускаются ей грехи многие, ибо возлюбила много»* Лк. 7¹.

Приведённые слова Христа обнаруживают, что Мария была грешницей, что грехов у неё было *много*, но также и что она *возлюбила много* и по этой причине стяжала величайшую благодать *отпущения грехов*.

И вот сегодня на примере Марии Магдалины выпал случай посмотреть, как *любовь, покрывающая множество грехов* (1 Пет. 4)², сделала так, что душа, которая была исполнена духа тьмы, исполнилась Духа Святого и тем самым перенеслась от мира сего к счастью.

Ибо та самая Мария, *женщина, известная в городе как грешница*³, презираемая фарисеем, исполненная всеми родами грехов, *семью*, согласно Марку, *лукавыми духами*⁴, вознесена сегодня в объятия Жениха, Воплощённого Слова, согласно словам из Иезекииля 16: *«Увидел тебя, брошенную на попрание в крови твоей, и сказал тебе, когда была в крови твоей: Живи!»* и немного ниже: *«И простёр Я воскрилия риз Моих на тебя, и покрыл наготу твою... И омыл тебя водою и смыл с тебя кровь твою и помазал тебя елеем, и надел на тебя узорчатое платье... и т.д.»*⁵

Помолимся же, чтобы сподобиться нам достойно почерпнуть от неё что-нибудь для своего спасения⁶.

2. Во-первых, о евангельском чтении согласно теме.

Во-вторых, скажем о трёх вещах, а именно: о грехе; о причине отпущения и о его действии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

3. *«Некто из фарисеев пригласил Иисуса вкушать с ним пищи».*

---

¹ Лк. 7, 47; чтение праздника: Лк. 7, 36-50

² 1 Пет. 4, 8

³ Лк. 7, 37

⁴ Мк. 16, 9

⁵ Иез. 16, 6-10

⁶ Весь §1 повторяет в значительной степени вступление к ранней проповеди о Марии Магдалине 1431 года – см. VII, 1

Устроением божественного промысла пришедший спасти грешников *приглашается вкушать пицци с фарисеем*, чтобы таким образом спасти было удобнее. Он - Кто есть Слово жизни, пажить и хлеб, а также подкрепление жизни, - позволил пригласить Себя, будто бы нуждающегося в подкреплении, человеку немощному, будто тот здоров и богат, чтобы именно так спасти.

Христос ежедневно предлагает Себя в лице нуждающегося, чтобы напитать питающего. Удивительно это учение Христова! Чтобы мне получить питание для моего человеческого духа, я должен напитать другого человека: «*Чего хочешь себе, то делай и другому!*»⁷

Если тебе по праву причитается нечто от другого, а тому нечем расплатиться, то мы требуем от такового [должника] воздаяния, в чём и состоит сама справедливость, та что от Бога, Который и есть *Воздаятель*⁸ за всякое благо, так чтобы никакое благо не осталось вознаграждённым.

Посему справедливость, поскольку она справедливость, не воздаёт меньше должного, и при том смотрит не на то, что я делаю, но на мой аффект, чтобы быть воздаятельной справедливостью сообразно превосходной своей степени, т.е. такой, с которой совпадают и щедрость, и благодать, и милосердие преизбыточествующее, т.е. воздающее стократ: за тленное - нетленным, за свинец - золотом, за насыщение временное - жизнью вечной |(Лк. 18)⁹|.

4. Все мы, люди, суть братья во едином Человеке Христе, Сыне Человеческом, Который есть то звено, что соединяет человеческую природу с божественной, всеобщей сотворительницей. Христос настолько отменяет всякое отдаляющее различие, что между *варваром и скифом* в Нём не разницы, и они - братья¹⁰.

Тогда, оказывая милость брату во Христе, я во Христе же, Который есть полнота благодати, *по Его великой милости*¹¹ и получаю воздаяние. А именно: чего не может, хотя и обязан, вернуть мне ближний, вернёт Тот, В Ком этот ближний платёжеспособен, т.е. Христос, в Котором брат во Христе платёжеспособен потому, что во Христе его человечность |та же, что и человечность Самого Христа| полна всею благодатью и всеми богатствами. Соединена же ведь моя человечность во Христе с моим началом, т.е. со Словом, Которым я сотворён. То же верно и о любом человеке.

Отсюда: что *делается любому наименьшему* [человеку], *делается Христу* |(Мф. 25)¹²|, поскольку человечность любого человека, хоть великого, хоть ничтожного, соединена во Христе со своим началом.

---

⁷ ср. Мф. 7, 12

⁸ Евр. 11, 6

⁹ Лк. 18, 30

¹⁰ ср. Кол. 3, 11

¹¹ Пс. 50, 3; 1 Пет. 1, 3

¹² Мф. 25, 40

Следовательно, во Христе каждый воздаёт не так, как если бы это было в ком-то другом, но как бы в своей собственной, соединённой с началом жизни, человечности. И соединённая с жизнью человечность, которую я в [том] человеке сделал своей должницей, воздаёт [мне в ответ] жизнью божественной.

И это воздаяние, имея в виду воздаяние жизнью, когда соединённая во Христе с жизнью человечность принимает меня, человека, к причастию себе, таково, что я, человек, в моей человечности, которая [та же, что] во Христе Иисусе, обретаю причастие жизни божественной, соединённой во Христе с человечностью, подобно тому как я в том, что есмь вот этот человек, по причастию человечности обретаю жизнь человеческую.

5. Обретаю я её посредством стяжения человеческого вида, когда через человечность, так или иначе стяжённую |и в своём нисхождении и отпадении от полноты собственной истины и совершенства увязшую в разнообразной ущербности| становлюсь «вот этим», «таким-то» человеком, и человечность тогда способом стяжения ипостасно укореняется (*sit contracte suppositata*) «вот в этом» причастном ей индивидууме, хотя сама по себе - как абсолютная видовая сущность - не подлежит ни делению, ни стяжению.

Во Христе же человечность укоренена не способом такого стяжения, но остаётся на высоте вершины |как Сам Он говорит (Ин.10): «*Что дал Мне Отец Мой, то больше всех*»¹³, так что сообразно человеческой природе Он есть «*един Вышний*»¹⁴ |, не отпадая от истины, но нераздельно к ней прилепляясь. Чистейшая человечность нераздельно прилепляется к истине своей сущности, каковая есть Слово Божие, *через Которое всё начало быть*¹⁵. И хотя все люди суть люди по причастию человечности, тем не менее ни в одном из людей человечность по причастию не дана точно так же, как в другом: в одном яснее, в другом более затемнённо, и только в одном Христе – как она есть в истине, а во всех остальных иначе, в отпадении от чистоты и совершенства истины.

Обретаемая нами человеческая жизнь темна и всякий раз по-разному ущербна, потому что человечности мы причастны в отпадении от истины. Но человечность Христа дана в истине своей сущности и соединена со Словом жизни; и поэтому для того, кто раньше был причастен человечности затемнённо и со множеством изъянов, открывает возможность причаститься и приобщиться себе на высочайшей ступени истины сущности и Слова жизни, в Коем её ипостась, так чтобы мы, ущербные люди, через эту открываемую Христом возможность для нас причаститься Себе обретали жизнь божественную. Так невежественный ученик обретает *совершенство*, становясь, *как учитель*, причащением науке учителя (Лк. 6)¹⁶. У учителя и ученика одна общая видовая природа, которая в аспекте данной науки в учителе совершенна, а в ученике несовершенна; и совершенная совершенствует и через причастие себе «зовёт к себе» несовершенного [ученика]. Таким же образом совершенная божественная жизнь превращает в себя, питая, причём питание это есть причащение [ей].

---

¹³ Ин. 10, 29: «*Pater meus quod dedit mihi, maius omnibus est*»; ср. Синод. «Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех». Латинская фраза допускает и то прочтение, какое здесь у НК.

¹⁴ Пс. 82, 19 и из лат. версии Великого славословия

¹⁵ Ин. 1, 3

¹⁶ Лк. 6, 40

6. Возвратимся к тексту Евангелия. Удивительная эта Воплощённая Премудрость заставила фарисея *пригласить Себя прийти к нему в дом и вкушать с ним пищу* для того, нужно думать, чтобы таким образом лишить фарисея воспрепятствовать, не теряя чести, деянию, коему предопределено было совершиться через грешницу.

Ибо такова была их надменность, *закваска фарисейская* – мол, они, люди добрые, не должны сообщаться с грешниками, так как, по их суждению, добрые люди от дурных оскверняются. Это явствует как из сегодняшнего чтения, так и из многих других мест в Евангелии.

И вот, ради избавления фарисеев от этого лукавого духа гордыни, Он и попустил Себе быть приглашённым, чтобы, когда по приглашению *войдёт в дом и возляжет за столом*, уже нельзя было бы по чести прогнать вошедшую с принесённым в дар миром грешницу.

7. Однако в тексте: *«И вот женщина, которая была в городе грешница, узнав, что Иисус возлежит за столом в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром»*.

Эта *женщина грешница* была, по-видимому, настолько всем известна своими явными грехами, что понять, о ком речь, можно было из одного именованя «*грешница*» без другого, собственного её, имени. А что это было за имя, являет настоящий праздник нашей Церкви, которая, установлением в сей день именно этого евангельского чтения, утверждает, что была она Марией Магдалиной. Или же отсюда, по крайней мере, понятно, что *Мария Магдалина, из которой Христос изгнал семь бесов* (по словам евангелиста Марка в последней главе¹⁷), и была той самой *женщиной грешницей*, обратившейся вот так к Господу.

Эта *женщина грешница* бдительно и со всевозможным тщанием высматривала, куда пойдёт Спаситель, Коего с пламенеющим желанием искала. У неё уже был приготовлен *алавастр с миром*, несомненно очень дорогим, каким обычно умащали людей значительных и высокопоставленных. Этим приятнейшим для благородных людей даром она думала угодить Судии живых и мёртвых, Самому Мессии и Царю царей земных.

И так как задуманное этой грешницей возможно было совершить только при условии, что Иисус будет сидеть, то поэтому, едва *узнав, что Он возлежит за столом*, пусть даже *в доме фарисея, принесла алавастр*.

Что её, если войдёт в дом фарисея, могут узнать и выставить вон, ей было неважно, а важно было лишь застать Иисуса сидящим, чтобы можно было исполнить дело любви. *Любовь изгоняет всякий страх*¹⁸, и она не позволяла ей даже очей отвести от возлюбленного, чтобы взглянуть на |собственное позорнейшее женское положение, как и на показную дотошность строгого | фарисея, чтобы ни страх, ни стыд не отвлекали её.

---

¹⁷ Мк. 16, 9

¹⁸ 1 Ин. 4, 18

Поэтому, принеся миро в холодном и благоуханном алавастре, она вошла невозмутимо. Крайняя нужда во враче, при которой всякая застенчивость прекращается, понудила её войти без приглашения к пирующим, ибо знала, что там возлежит врач, и что любое промедление чревато смертельной опасностью¹⁹. Она слишком опьянела от любви и обезумела от боли, чтобы помнить о каких-то древних обычаях.

8. «И, став позади у ног Его, начала орошать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, |и умащала миром|».

Стать позади заставила её стыдливость, обо она знала свои грехи и считала себя недостойной предстать лицом к лицу. Но, сознавая себя грешницей и *став позади*, обратила лицо к *ногам* и со смирением припала к ним, чтобы *слезами* своими признать свою вину, а тем, что слезами *орошает* ноги, показать, что пришла угодить Судье. Та, что была служанкой *князя мира сего*, принесла себя, решившую стать служанкой Царя, Чьё Царство не от сего мира. И ради службы Ему принесла всё, что имела: душу, которую излила слёзным ливнем, и всё тело, когда очам повелела стать источниками слёз [для орошения], когда руками омывала Господни ноги, когда волосами отирала, когда устами целовала, когда, чтобы хорошо всё это исполнить, всё тело своё изгибала и прикладывала, и когда все члены свои и свои дела перенесла из царства тьмы к Царству света, когда с помощью мира пыталась угодить внешним добром, чтобы тем самым всё, прежде ненастроенное на цель и спасение, теперь настроить к цели и к жизни.

9. О, с какой верой искала эта женщина Спасителя! С какой надеждой обрести благодать приступила к Нему! С какой любовью пролила столько слёз, столько раз отёрла ноги, столько раз с любовью облобызала Его ноги! Как, умащивая драгоценнейшим миром, льнущим, проникающим и сладостно освежающим, неизгладимо втирала и закрепляла его!

Полагаю, не обошлось без величайшей мистерии и то, что евангелисты это деяние души грешницы описывают по-разному. Матфей, Марк и Лука говорят, что оно имело место в доме Симона (которого Лука называет фарисеем, а остальные – прокажённым), тогда как Иоанн – что в доме Марфы и самой этой Марии, сестры её²⁰. Матфей и Марк говорят, что миро было излито на голову Спасителя, об орошении слезами и отирании волосами умалчивая; Иоанн же говорит только об отирании волосами, орошения же слезами не упоминает.

10. Эта разница произошла волею Божией, пожалуй, для того, чтобы никто не считал путь благочестивой души привязанным к какому-то одному чувственно данному способу, при том что *необходимо только одно*: чтобы всякая душа приступала ко Христу, мироточащей|о факте помазания миром согласны все евангелисты| и, так как Христос причиной помазания назвал *погребение*, погребала миропомазанного в себе²¹. Ибо Христос упокоевается и почивает в мире там, где положен Он миропомазанным, будь то помазание совершено от ног Христовых вверх, или от главы Христовой вниз. Ибо тот

---

¹⁹ ср. VII, 20

²⁰ Мф. 26. 6; Мк. 14, 3; Лк. 7, 40; 7, 36; Ин. 12, 2-3

²¹ Мф. 26, 12; Мк. 14, 6-8; Ин. 12, 7

дух, что исповедует Христа Божьим Сыном – будь то в порядке, где человечество | через Его высочайшее превознесение | возносится вверх к единению с божеством, или где *Слово стало плотью* через Его милосердное и снисходительное смирение, - такой дух излиятельным своим помазанием помазует Христа как Царя Небесного и сокрывает Его, словно сокровище, в себе, и силою Его, в нём упокоившегося, достигает дух цели своих желаний.

Это такое помазание, совершение которого совпадает с тем, чтобы и самому быть помазанным от Святого, как сказано во Втором Соборном Послании Иоанна: *«Вы имеете помазание от Святого и знаете всё»*²²; там об этом.

11. *«Видя это, фарисей, позвавший Его, про себя сказал: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница».*

Для того и была введена женщина, грешница в городе, чтобы от фарисея не укрылось, что она грешница. И тогда фарисей, пригласивший (что совпадает с «позвавший») Иисуса, стал говорить про себя, т.е. рассуждая не вслух, а мысленно, что Христос, от Которого укрылось известное всему городу положение женщины, вовсе не всеведущий пророк, имея в виду, что Христос, пусть и не будучи из здешних мест, в силу пророческого Своего дара не мог бы не знать того, что всем тамошним жителям было известно из повседневного опыта! Поэтому и говорит: *«Если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница»*, подразумевая при этом: *«А не знает потому, что если бы знал, то не позволил бы ей умащать Себе ноги».*

Однако Христу было известно всё, и Он возражает неверно судящему фарисею: *«Симон, имею нечто сказать тебе».* И тот в ответ: *«Скажи, Учитель».*

Зовёт его по собственному его имени Симон, чтобы тот был внимательней, ибо говорит с ним ради его же наставления. Поэтому Симон и называет Его в ответ Учителем - в том смысле, что собирается слушать Его именно как учителя.

12. *«У одного заимодавца было два должника: один задолжал пятьсот динариев, а другой пятьдесят. Им не было чем заплатить, и он простил обоим. Так кто из них более возлюбит его?»*

Чтобы избавить фарисея от дурной мысли, Христос приводит притчу о двух должниках (а на самом деле о множестве, поскольку множественное число можно отнести здесь не ко двум, а к сколь угодно многим разным должникам). Вернуть они обязаны были не только основную одолженную им сумму, потому что давший им в долг был заимодавцем, т.е. помимо суммы займа требовал ещё и проценты.

Подобно этому Творец вручил нам, разумным творениям, разумную жизнь не для того, чтобы она коснела в нас бесплодно и уныло, и в таком виде бесплодным займом выплачивалась бы потом назад Тому, Кто есть Господь всех, но чтобы производила из себя плод разумной жизни и вместе с ним выплачивалась назад Творцу, Который,

---

²² 1 Ин. 2, 20

словно заимодавец, не удовлетворится, пока не получит расчёт распоряжения средствами | (о чём Христос наставил нас в притче о талантах, и об одном спрятанном, а также об избавлении от бесплодного дерева²³) |.

И вот коммерческий расчёт с обоих истребован, и долг обоих увеличился, у одного стал *пятьсот*, у другого *пятьдесят*, т.е. у одного столько-то, а у другого – вдесятеро меньше; и, так как *им не было чем заплатить, он простил обоим*.

Поскольку простивший долг не принуждён был прощать, он же ведь был заимодавец, то, следовательно, простил он добровольно. Но если прощение как большого, так и маленького долга, было для заимодавца равно добровольным, то тогда выходит, что произошло оно от неравной любви должников. Ведь если бы задолжавший больше возлюбил бы не больше, чем [задолжавший] меньше, но в равной с ним мере, то не было бы никакой причины тому из должников, кто задолжал больше, отпустить больший долг.

13. *Симон сказал Ему в ответ: «Думаю, тот, кому он больше простил». А Он сказал: «Ты рассудил правильно».*

Из этого его ответа Христос получает посылку для умозаключения, перед тем как сказать Симону, что вовсе не был в неведении о положении женщины, | но начал доказывать ему, что *любовь* (которую она доказала, что имеет) *покрывает множество грехов²⁴*, | и что поэтому это её положение не должно удерживать Его от того, чтобы оказать ей милость.

14. *«И, повернувшись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришёл в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами оросила Мне ноги и волосами головы своей отёрла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришёл (в других, более правильных, книгах стоит «как она пришла»), не перестаёт целовать у Меня ноги; ты не умастил головы Моей елеем, а она миром умастила Мне ноги».*

Христос перечисляет три [приветственных жеста], которыми по обычаю страны и времени полагалось встречать гостей, и которые Христу были выказаны не фарисеем, а женщиной, и не обычным образом, а в превосходной степени и с великой любовью.

По обычаю полагалось омыть ноги, однако, конечно же, обычной водой, а не водой, изливающейся через глазные протоки под давлением пребывающего на сердце скорбного духа. Предлагалось целование устами в уста, но не в ноги и без непрерывного повторения; женщина же не переставала снова и снова. Елеем умащивали голову; женщина же помазала драгоценнейшим миром ноги. Какой же высокий приём получает в сердечной гостинице женщины этот Гость, Кому оказано столько знаков уважения и любви!

---

²³ Мф. 25, 14-30; Лк. 13, 6-9

²⁴ 1 Пет. 4, 8

15. Сознвая себя должницей, женщина в удовлетворение долга, оплатить который была не в состоянии, искренне принесла саму себя. Сколько знаков любви явила она, восполняя в чужом доме хозяйский недостаток с духовным горением столь великим! И тем самым, согласно твоему же, о Симон, суждению, *отпускаются ей грехи многие за то, что возлюбила много.*

После того, как любовь проявилась в поступке, причём известно, что проявилась до предела её возможностей, разве может за ней, которой больше нечего принести, оставаться ещё что-то неоплаченное?

Великая любовь, поистине воспламеняющая её сердце (знаками чего являются плач, целования, миро), делает так, что отпущением Судии в той же самой мере сгорают и преступления; и как ей *отпускается многое за то, что возлюбила много*, так, если кому мало отпускается, то это знак, что мало любит.

16. Изгнав таким путём из сердца фарисея дурное и ошибочное суждение (так Тот, Кто Сам был *хлебом истинным*²⁵, преподал духовную пищу позвавшему Его подкрепиться пищей телесной), Он, обратившись к женщине, сказал: *«Отпускаются тебе грехи твои»*. И плачущая эта женщина смогла теперь возрадоваться спасению, которое с таким духовным горением искала и которое после стольких непрерывных целований, что длились всё время трапеза, с тех пор как вошла, наконец, обрела; и ещё что получила ту духовную пищу, которой с таким трудом среди пирующих добивалась.

17. *«И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: Кто же это, что и грехи отпускает?»*

Вот она, причина, почему всё именно так было предусмотрено и по месту, и по времени, и по присутствию возлежавших: чтобы от удивления столь великим делам (а именно таковым является оправдание нечестивого) они изумились и стали спрашивать о Христе не как о человеке, но как о Том, Кто *грехи отпускает*, что принадлежит уже не простому человеку, но Творцу. Ибо кто сотворил, тот и оправдает. Как возведение ничто к бытию требует всемогущества, так и перенесение нечестивого к оправданию – дело не меньшей силы, на которое способна только бесконечная благодать, потому что ни у какой конечной силы такого могущества быть не может. Как мёртвому восставить самого себя к жизни, когда жизненная сила в нём уже прекратилась? Точно так же и нечестию не воздвигнуть самого себя к праведности, потому что в нечестивом праведность угасла уже совершенно. Следовательно, сделать такое под силу Тому же, Кто способен ничто преложить в нечто, а смерть – в жизнь.

Помыслив Христа как Того, Кто отпускает грехи, оправдывает, питает и сообразно жизни духа спасает, возлежавшие тем самым получили пищу духовную.

18. Для того же, чтобы заметили, сколь необходимым для спасения был сопутствовавший оправданию подвиг духовного послушания, состоявший в вере, *Иисус сказал женщине: «Вера твоя спасла тебя. Иди с миром!»* - чтобы, когда они этому

---

²⁵ Ин. 6, 32

удивятся, укрепить их пищей учения: [во-первых] никому, кроме верующего, спасение получить невозможно; [во-вторых] вера эта совпадает со Спасителем, и что может Спаситель, то может вера.

Ибо когда Христос сказал «*Отпускаются тебе грехи*», Он Сам и был отпускающим, как сразу же правильно поняли возлежавшие. Теперь же говорит, что *спасла её вера*. Следовательно, верой, которая спасла её, был Христос, Который отпустил грехи. Христос не спасает, если не верят, что Он – Спаситель. Именно вера, приступающая ко Христу как к Спасителю, делает так, что Христос спасает, так что спасение – дело Христа и веры не как двух [спасителей], будто бы вера – одно, а Христос – другое, но через совпадение, когда Христос и есть вера, которая спасает.

Дух, имеющий веру Христову, переходит в единство со Христом, так что действие спасения принадлежит не Христу как чему-то отдельному от спасаемого духа, и не вере как потенци, которая не есть Христос, но тому единому, которое есть Христос Спаситель и вера спасённого.

19. Кто достиг такого спасения, когда сам пребывает через веру во Христе, а Христос через спасение – в нём, тому Христос велит *идти с миром*²⁶. Ибо он уже достиг цели жизни, настоящего покоя, и больше не нужно ему ходить в поисках мира, но [ходит он] *в мире* [уже] обретённом, подобно тому как невежественный ученик, долго искавший учителя и наконец нашедший, пребывает *в мире*, ибо нашёл того, кого искал. Но, поскольку ещё не стал [таким же], *как учитель*, то, уже и обретя учителя, [всё равно] продолжает *идти* (т.е. совершенствоваться) *с миром*.

Это – о евангельском чтении, и т.д.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

20. О грехе.

Для понимания того, что обычно говорится о грехе, обращаюсь к учению святого Иоанна в его Соборном Послании, где он в главе 3 говорит: «*И вот по чему узнаём, что мы от истины, и убеждаем*²⁷ *пред Ним сердца наши; ибо если сердце наше осуждает нас, то Бог больше сердца нашего и знает всё. Возлюбленные! если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, и, чего ни попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним*»²⁸. Об этом же Христос в главе 3 Евангелия от Иоанна говорит: «*Делающий злое, ненавидит свет, чтобы не обличились дела его, а творящий истину идёт к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны*»²⁹. И в этом же смысле обращается Христос к фарисеям (Ин. 9): «*Если бы вы были слепы, то не имели бы греха*»³⁰.

---

²⁶ «in pace» - букв. «в мире»

²⁷ «suademus» - ср. синод. «успокаиваем»; цсл «смирям»

²⁸ 1 Ин. 3, 19-22

²⁹ Ин. 3, 20-21

³⁰ Ин. 9, 41

Из этих слов явствует, что дух наш – «от истины», свет которой носит в себе.

[Ин. 1³¹: «Свет во тьме светит». «Был Свет истинный. Просвещающий всякого человека, приходящего в сей мир». Увидевшего это пророка Давида охватывает великое веселье, и он говорит: «Знаменовался на нас свет лица Твоего. Господи. Дал веселие в сердце моём»³².]

21. В самом деле, присущая нам способность понимания (intelligentia) с величайшим вожделением льнёт к истине, словно к жизни своей |и к своему праобразу; будучи образом которого, в себе самой поэтому имеет некое суждение, позволяющее распознавать *дела света*. И этот вечный закон³³, который вот так светит в нас, как раз и доказывает бессмертие понимающего духа, ибо он есть закон истины, которая нетленна.

Мы, таким образом, в себе самих имеем распознающего духа, который «от истины» и который наставляет нас, когда делаем что-то предосудительное против вечного закона: сказано ведь, что *сердце наше* – имеется в виду мыслящее (intellectuale) сердце - *осуждает нас*³⁴. Однако *Бог больше мыслящего сердца*, ибо Он – тот источник света познания, из струй которого душа наша свой свет познания получает; и поэтому *Бог знает всё* наше сокровенное.

22. Итак, в себе самих мы ощущаем, осуждены ли мы у Бога или нет; причём распознаём это, *убеждая*, т.е. исследуя, *пред Ним сердца наша*, |когда по *осуждению сердца* ощущаем, что и *пред Богом* осуждены, | а *если сердце наше не осуждает нас*, то имеем *дерзновение...* и т.д.

Никто не может скорбеть, пока его не осудит собственное сердце; отсюда явствует, что сокрушение о грехе возникает из божественного света познания. *Если же сердце наше нас не осуждает*, мы тогда не находим, о чём скорбеть; и следовательно, видя себя не падшими во тьму, а стоящими в истине света, *имеем дерзновение к Богу...* и т.д. И заключаем о себе, как говорит святой Иоанн, что *соблюдаем заповеди и делаем угодное Богу*.

Поэтому вот что такое грех: преступление против заповеди света и неделание дел света, каковые суть дела истины, угодные Богу, потому что Он Сам есть свет истины, в коем никакой тьмы³⁵. То есть, грех – это оскорбление света понимания³⁶.

Христос так учит нас (Ин. 15): «*Если бы Я не пришёл и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения*»³⁷. В самом деле, совершенно ничего не

---

³¹ Ин. 1, 5; 1, 9

³² Пс. 4, 7-8 (цсл)

³³ Здесь и ниже к некоторым рукописям вместо «закон» (lex) стоит «свет» (lux), что недалеко от контекста. Впрочем, ср. Притч. 6, 23: «lex lux» (синод.: «наставление – свет»)

³⁴ 1 Ин. 3, 19

³⁵ 1 Ин. 1, 5

³⁶ «lumen intelligentiae» здесь и ниже - см. прим. к «О начале» 16

³⁷ Ин. 15, 22

знающий, поскольку не наносит оскорбления свету понимания, имеет извинение в грехе действительном³⁸.

23. И здесь нужно быть внимательным, потому что свет понимания, носимый нами в самих себе по подобию света божественного, который есть сама истина, есть свет разума и прирождён разуму, так что без него наш разум есть разум незаконченный.

|Об этом изящно сказано в главах 1 и 2 Послания к Римлянам, что | в этом свете мы видим, |в чём состоит закон, а именно, что Подателя жизни, Бога, и в Боге – брата, т.е. | ближнего следует любить, как и сами мы хотим быть любимыми.

24. Однако той возможности для духа, что состоит в единении его с самой неприкровенной истиной, том где высшее счастье, мы в этом свете не видим.

Но Христос, |Чей разум наделён пониманием которое с божественной истиной соединено полностью, как сияние – с лучом | (а все [другие] разумные духи [каждый] в свою меру и отдалённо, как подобие |и образ - с праобразом, словно воздух, освещённый сиянием луча|), Христос пришёл и научил нас возможности обретения Богосыновства.

И этот свет есть уже свет благодати, который наше понимание обретает через веру в Иисуса Христа.

25. Божественный свет понимания, изобильно разлитый пришедшим Христом, есть, таким образом, помазание, научающее нас всему; и оскорбление его – это когда не верят Христу и не любят ближнего, как говорит святой Иоанн в вышеупомянутом месте, главе 3 Соборного Послания: *«Заповедь Его – т.е. вечного света - та, чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга»*³⁹.

26. Кто не принимает Христа, тот, хоть по видимости и обладает светом разума, в коем видит, что следует чтить Бога и любить ближнего, тем не менее пребывает во тьме незнания, потому что не принимает света благодати, возносящего дух к Богосыновству. Таковой человек никогда, пусть что хочет делает, достичь покоя для мыслящего духа, который состоит в постижении истины как она есть, не сможет, потому что в своём собственном свете, прирождённом каждому человеческому духу, разглядеть её бессилён, а бессилие это может восполнить только Воплощённое Слово.

Следовательно, кто не обрёл света веры в Богосыновство, в том грех остаётся и пребывает, потому что обрести высшее счастье, в которое не верит и на которое не надеется, ему невозможно.

27. Из сказанного очевидно, что смертный грех мы совершаем тогда, когда преступаем заповеди света понимания. Ибо свет этот учит нас соблюдению справедливого порядка, когда неизменное благо предпочитают изменчивому, достойное полезному, волю

---

³⁸ «peccatum actuale» - см. VI, 5

³⁹ 1 Ин. 3, 23

Божию нашей воле, а разум чувству Извращение этого порядка есть, поскольку свет понимания на такое согласиться неспособен, грех отвращения от жизни, то есть, следовательно, грех смертный⁴⁰.

Поэтому, хотя и говорится, что смертным грех делает согласие разума на извращение справедливого порядка, тем не менее правильно понимать это [утверждение] следует в согласии вышесказанным, а именно, что разум на самом деле просто сдаётся, и тогда это называют его «согласием». Сам по себе как собственно разум он никогда бы на такое не согласился, но, хоть он и протестовал, движение духа тьмы, мира и плоти, возобладало.

Однако одержать победу протестующий разум всё же способен (хотя ему и кажется, что его вынудило некое насилие), поэтому сдача в плен вменяется ему вину. Поэтому, когда он так отдаётся в рабство духу тьмы, спрос с него за это тем строже, чем больше свободы было у его способности к сопротивлению, | так для прелата смертным грехом является небрежение, когда он может отвратить подопечного от большого греха и не делает этого|.

28. Такие движения духа тьмы называются искушениями, ибо они скорее искушают, чем совершают насилие над разумом, могущество которого превосходит всё, на что способен мир сей и его князь. Уступить искушению для способного победить – позор, а тому, кто к сопротивлению неспособен, это в вину не вменяется. Поэтому в первых движениях, где суждение разума ещё не присутствует, преступления нет, но где противящийся разум идёт на соглашение с чувственностью, там порядок справедливости разрушен, и, как сказано выше, возникает грех.

29. Иногда, впрочем, происходит возмущение порядка без извращения справедливости, т.е. без того, чтобы изменчивое благо предпочесть неизменному и т.д., и это тоже есть грех, но грех, заслуживающий снисходительности, ибо без такого греха по причине хрупкости природы едва ли кто можно найти кого-либо.

Смертный грех подобно неизлечимой прокаже⁴¹ навсегда лишает душу возможности стать невестой Христовой, поскольку невесте Христовой подобает быть без порока. Грех прощительный лишает душу такой возможности на время, пока не очистится, и поэтому подобен, скорее, лишаю, который бывает разных видов: от каких-то можно очиститься быстро, какие-то после себя обезображивают, а какие-то подобны прокаже и трудноизлечимы.

---

⁴⁰ к §§ 27-29 ниже - см. VII, 17 и прим. со ссылками

⁴¹ ср. CCLXIV, 6